

ФИЛОЛОГИЯ

(шифр научной специальности: 5.9.8)

Научная статья

УДК 81

doi: 10.18522/2070-1403-2022-94-5-43-48

ПРАГМАТИКА НОВЕЛЛЫ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА: ОСНОВНЫЕ ПАРАМЕТРЫ

© *Елена Дмитриевна Горячева*

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

edgoryacheva@sfedu.ru

Аннотация. Выявляются и описываются прагматические параметры жанра новеллы в ее развитии в эпоху Серебряного века. Доказано, что литературный жанр сложным образом взаимодействует с прагматикой речевого жанра, что позволяет описывать эстетическую коммуникацию в категориях лингвопрагматики. Коммуникативно-прагматическая специфика художественного текста обусловлена его функционированием в социокультурном пространстве. Лингвистический анализ текстовых единиц усложняется в связи с тем, что, в конечном счете, препятствует выявлению прагматических установок автора и описанию собственно ситуации эстетической коммуникации. Намеренный отказ в процессе литературной коммуникации от установленных в социокультурном пространстве коммуникативных правил и конвенций дает автору возможность создать эффект «обманутого ожидания» или эффект неожиданности, оказывающие влияние на декодирование авторского замысла читателем.

Ключевые слова: прагматика, речевой жанр, литературный жанр, коммуникативная ситуация, художественный текст, эстетическая коммуникация.

Для цитирования: Горячева Е.Д. Прагматика новеллы серебряного века: основные параметры // Гуманитарные и социальные науки. 2022. Т. 94. № 5. С. 43-48. doi: 10.18522/2070-1403-2022-94-5-43-48.

PHILOLOGY

(specialty: 5.9.8)

Original article

Pragmatics of novella of the Silver age: fundamental parameters

© *Elena D. Goryacheva*

Southern federal university, Rostov-on-Don, Russian Federation

edgoryacheva@sfedu.ru

Abstract. The article is devoted to identifying and describing the pragmatic parameters of the short story genre in its development in the Silver Age. It is proved that the literary genre interacts in a complex way with the pragmatics of the speech genre, which makes it possible to describe aesthetic communication in terms of linguo-pragmatics. The communicative and pragmatic specificity of a literary text is determined by its functioning in the socio-cultural space. Linguistic analysis of the text units becomes more complicated in connection with this, which, ultimately, prevents the identification of the author's pragmatic attitudes and the description of the actual situation of aesthetic communication. Deliberate rejection in the process of literary communication of the communicative rules and conventions established in the sociocultural space gives the author the opportunity to create the effect of "deceived expectation" or the effect of surprise, which affects the decoding of the author's intention by the reader.

Key words: pragmatics, speech genre, literary genre, communicative situation, literary text, aesthetic communication.

For citation: Elena D. Goryacheva Pragmatics of novella of the Silver age: fundamental parameters. *The Humanities and Social Sciences*. 2022. Vol. 94. No 5. P. 43-48. doi: 10.18522/2070-1403-2022-94-5-43-48.

Введение

В современной лингвистике стало уже традиционным понимание прагматики как такого вектора исследований, который сосредоточен на выявлении и описании условий использования языка в актах речевой коммуникации. В состав этих факторов обычно включены цели, социальный статус, психологическая и биологическая специфика участников общения, время

и место коммуникации, правила и конвенции речевого поведения. Очевидно также, что лингвистическая прагматика представлена несколькими фундаментальными направлениями: учение о речевых актах; исследование правил и конвенций речевого общения; анализ характера знаний и информационных потребностей коммуникантов [6].

Прагматика, понимаемая расширительно, своей отправной точкой имеет потребности, мотивы и цели, намерения и ожидания человека, его практические и коммуникативные действия, распределение коммуникативных ролей и пр. [2, с. 2]. Так, К. Кэндлин правомерно указывает, что прагматика способна объяснить ценностный анализ высказываний участников общения в контексте конкретного общества и культуры, речевого события и вида деятельности. Основную задачу прагматических исследований Кэндлин видит в возможности трактовки того, почему люди говорят то или другое и что они имеют в виду при этом – иными словами, эта задача сводится к возможности объединения идей говорящих и их аксиологических систем посредством прагматики [13]. К. Фредериксен рассматривает прагматику в координатах обусловленности связного дискурса коммуникативным контекстом, от чего, в свою очередь, зависит и интерпретация самого дискурса [14, с. 320].

Аспекты знака могут быть непротиворечиво описаны с позиций выявления трех его аспектов – синтагматики (отношения знака к другим знакам), семантики (отношения знака и его плана выражения), прагматики (отношения между знаками и участниками коммуникации) [10, с. 43-44]. Все отношения, которые свойственны для конкретного знака, исчерпываются именно этими тремя аспектами, при этом прагматические отношения фиксируют то, как именно знак соотносится с внешним миром, а также собственно воздействие говорящего на внешний мир и его отношение к обозначаемому [10, с. 219-220]. Прагматика высказывания или целостного текста репрезентирована более ясно, нежели прагматика отдельных лексических единиц в системе языка: так происходит потому, что высказывание представляет собой наименьшую единицу, которая направлена на выполнение собственно коммуникативных функций. Отдельную область прагматики составляют исследования, материалом которых выступают художественные тексты. В этом случае приходится утверждать, что художественный текст как результат речемыслительной деятельности автора обладает коммуникативно-прагматической спецификой, обусловливаемой самим бытованием текста в социокультурном пространстве, что усложняет проведение анализа текстовых единиц с позиций лингвистического анализа и препятствует выявлению прагматических установок автора, а также описанию собственно ситуации эстетической коммуникации.

Методика настоящего исследования обусловлена сложным характером самого феномена художественного текста, что обеспечивает комплексное применение методов к материалу исследования: центральными являются методы наблюдения и обобщения, лингвопрагматический анализ, филологическая интерпретация.

Обсуждение

Теория речевых жанров, предложенная М.М. Бахтиным, является одной из исследовательских парадигм: она способна объяснить коммуникативно-прагматический потенциал языковых и текстовых единиц на основании построения возможных моделей речевого целого, при этом М.М. Бахтин трактует речевые жанры как относительно устойчивые, тематические, композиционные и стилистические типы высказываний [5, с. 242], а одним из важнейших параметров речевого жанра считает «речевой замысел и речевую волю говорящего» [5, с. 257]. Очевидно, что каждый речевой жанр имеет свой определенный набор прагматических параметров и функций. На наш взгляд, это направление изучения жанра вполне применимо к жанру литературному, которому также релевантны прагматические аспекты.

Так, для фольклорного жанра или жанра древнерусской литературы свойственна закреплённость прагматики за жанровой формой и она «известна до высказывания» [1, с. 11]. Так, фольклорные жанры, предполагающие хоровое исполнение, являются информативно достаточными, потому что сообщаемая информация известна всем участникам фольклорной коммуникации до начала высказывания, в то же время новое в этой коммуникации – сам ее

факт, подтверждающий знание текста всеми ее участниками [1, с. 13]. Прагматика фольклорного жанра также включает регламентацию того, кто и в каких условиях может или не может исполнять произведение конкретной жанровой принадлежности [1, с. 17-18]. В древнерусской литературе жанр летописи или жанр жития также предполагают знание читателем канона, а само восприятие конкретного текста лишено эффекта неожиданности или «обманутого ожидания»: напротив, такие жанровые ожидания всегда оправдываются, а новым признаются лишь нормативно допустимые варианты тех или иных сюжетных мотивов [9].

Художественный текст, принадлежащий к более поздней эпохе мирового литературного процесса, имеет совершенно иную природу. Кроме того, что любой текст – это объективация речетворческого процесса в письменной форме [7, с. 18], необходимо также учитывать, что прагматические параметры художественного текста (за исключением фольклорного текста или текста, относимого к древнерусской литературе) актуализируют различные варианты коммуникативных ситуаций (а значит, и речевых актов), и количество таких вариантов весьма велико.

В научной парадигме современной лингвистики текста определение ее объекта обычно указывает на коммуникативно-прагматическую значимость текста [8, с. 15], что обуславливает и важность понимания коммуникативной ситуации в каждом конкретном случае. Лингвистика текста активно пользуется моделью коммуникативной ситуации, которая была предложена Р.О. Якобсоном. В отношении художественного текста эта модель предполагает, что автор в процессе создания произведения транслирует некую информацию адресату, кодируя явления действительности на основании собственного замысла и представлений об образе адресата. Читатель в процессе восприятия художественного текста декодирует текстовые единицы, проникая, тем самым, в суть авторского замысла: «текст – это система способных вызвать читательскую реакцию структур, которые автор организовал определенным образом, учитывая социальные и литературные коды, общие для него и читателя» [12, с. 9].

Мы согласны с П. Арсеньевым в том, что «необходимо спроецировать понятие прагматики на устройство самого текста и строго разделять ярусы, на которых мы намерены исследовать действенность слова: техника анализа будет различаться в зависимости от того, идет ли речь о коммуникации на уровне фабулы (и специфике речевых взаимодействий между персонажами), на уровне сюжета (и перформативных отношений между рассказчиком и персонажами) или о собственной прагматике художественного произведения (прагматике акта высказывания)» [3]. Поскольку художественный текст сам по себе является коммуникативным событием, предполагающим диалогическое общение автора и читателя, которое, к тому же, вполне может быть и автоадресованным для продуцента эстетического высказывания, мы вправе предполагать у такого текста наличие весьма обширного коммуникативно-прагматического потенциала.

Художественный текст, осуществляя литературную коммуникацию ввиду реализации, среди прочих, эстетической функции [4, с. 14], всегда предполагает декодирование авторского замысла, в определенном смысле предписываемое его принадлежностью к тому или иному литературному жанру. Одним из наиболее интересных в плане функционирования прагматических характеристик является жанр новеллы, который развивается достаточно длительно в литературе Западной Европы (со времени Ренессанса), но оказывается практически невостребованным в русской классической литературе за редким исключением в литературе русского романтизма и лишь отчасти затрагиваемый в творчестве А.С. Пушкина («Пиковая дама», «Повести Белкина») и Н.В. Гоголя («Вечера на хуторе близ Диканьки», «Петербургские повести»). Жанровые признаки новеллы воплощаются в полной мере только в литературе Серебряного века, которая, как известно, преобразует в соответствии с эстетикой модерна художественные принципы предшествующих культурных эпох. Основной целью настоящего исследования является рассмотрение жанра новеллы с позиций прагматики, поэтому обращаться к жанровым признакам новеллы как литературного жанра мы будем исключительно в лингвистическом ключе.

Прагматические параметры литературного жанра новеллы функционируют «от противного»: если поместить эти параметры в координаты прагматики речевого жанра, то оказывается, что новелла нарушает правила речевой коммуникации, прежде всего, потому, что события в ней развиваются неожиданно в противоположность требованию конвенциональности, когда коммуниканты изначально представляют себе, какая коммуникативная модель должна быть реализована в конкретной ситуации общения. Так, в новелле Ф. Сологуба «Путь в Дамаск» (1910) [11, с. 416-428] ситуация, которая ожидаемо могла закончиться трагически, трансформирована автором: «Резким жестом свободной руки студент взъерошил свои упрямые кудри и поднял револьвер к виску. Глаза у него расширились. Рука странно колебалась в воздухе, устанавливая дуло револьвера на удобное положение. Потом опустил руку, глянул в дуло револьвера, еще раз размашисто взъерошил волосы, крикнул отрывисто и громко:

– Баста!

И решительным движением взмахнул револьвером к голове. Внезапный женский вопль заставил его дрогнуть. Всмотрелся» [11, с. 426]. Языковые средства, позволяющие создать эффект неожиданности, представлены такими синтаксическими конструкциями, которые на все протяжении макроконтекста создают структурную градацию – от распространенных к нераспространенным предложениям (от: *Резким жестом свободной руки студент взъерошил свои упрямые кудри и поднял револьвер к виску к: Всмотрелся*). Именно такая новеллистическая событийность позволяет автору структурировать композицию новеллы в соответствии с каноном жанра: в финале студент отказывается от самоубийства, обретает любовь и желание жить: «И не было уже смертного томления в его глазах и в ее душе. Он подошел к ней близко, и обнял ее порывисто, и поцеловал звучно, весело и молодо в ее радостно дрогнувшие губы» [11, с. 427]. Новелла Ф. Сологуба содержит и обязательный для этого жанра в его классическом понимании вывод: «Так, убежав от буйного неистовства неправой жизни, пришли они <...> в союз любви, сильной, как смерть, и смерти, сладостной, как любовь» [11, с. 428]. Прагматическим параметром жанровой принадлежности художественного текста стоит здесь считать лексические повторы *любовь – любви, смерть – смерти*, а также антитетическую организацию макроконтекста, опирающуюся на узуальные антонимы *жизни – смерти*.

Новелла может отталкиваться от реальной, подтвержденной документально ситуации, создавая абсолютно новую трактовку произошедших событий, «альтернативную историю». Такова, например, новелла «Погибший пловец (1934)» Б.А. Садовского (1910) [11, с. 176–182]. Стилистические особенности этого художественного текста прямо отсылают к литературе 1820–1830-х гг., события этой новеллы – это история знакомства Кити с Александром Ивановичем Полежаевым (1804–1838). Автор отступает от некоторых исторических фактов, что формирует прагматические параметры жанра новеллы – эффект неожиданности, достигаемый в финале произведения. При этом заглавие представляет собой прецедентный текст – это отсылка к стихотворению А.И. Полежаева «Песнь погибающего пловца» (1832), герой назван своим настоящим именем, автор привлекает и фоновые знания читателя.

Художественный замысел состоит в том, чтобы адресат художественного текста сопоставил известное ему о жизни А.И. Полежаева и авторское видение знакомства Екатерины Бибиковой (1817–1900) с поэтом. Прагматика новеллы также основана на эффекте «обманутого ожидания», т.е. на нарушении принципа конвенциональности. Так, в начале текста Кити томится в ожидании любви, и автор передает ее мечты как повествование об уже случившемся: «Наконец, в один тихий вечер он признается в любви. Из благословляют; они — жених и невеста. Вот она, опустив глаза, стоит под венцом в торжественном белом платье, в дрожащем блеске свечей» [11, с. 177]. Но ожидания от знакомства с Полежаевым не оправдываются, хотя и общение это многообещающее: например, высказывания Александра Иваныча созданы в соответствии с риторическими стратегиями романтизма, превращающимися в общеизвестные клише: «я не человек. Я живой мертвец, несчастная жертва рока. Жизнь вздымала на меня грозные бури, била меня в грудь волнами лютых бедствий» [11, с. 179]. И такие высказывания поначалу вполне отвечают ожиданиям героини.

В тексте новеллы Б. Садовского нет указаний на то, что именно жандармский полковник Иван Петрович Бибиков написал донос на А.И. Полежаева, ставший роковым для поэта: по личному повелению Николая I поэта разжаловали в унтер-офицеры и отправили на службу в Бутырский пехотный полк. Спустя несколько лет И.П. Бибиков сам пригласил поэта в свою усадьбу Ильинское провести отпуск. Автор изменяет только отчество Бибикова – Бибиков в новелле Иван Сергеевич, и фамилия его не названа. Известные читателю факты получают неожиданную трактовку: вопреки историческому факту влюбленности Полежаева в Екатерину Бибикову во время его пребывания в Ильинском, у Садовского любовная интрига разрушается, не начавшись, т.к. Кити случайно подслушивает разговор Полежаева с дворней: «Видали мы... Мало в ней мозгу. Я, брат, с бабьем не люблю возжаться. Побаловать можно бы с ней, да не стоит: худа больно... Я грудастых люблю...» [11, с. 181]. Прагматические параметры самого жанра соблюдены – при обращении автора к фоновым знаниям адресата художественного текста происходит их эстетическая трансформация: отсутствие любовной интриги становится не только следствием подслушанного разговора, но и пьянством Полежаева: «А в акациях до утра провалился Александр Иваныч. Насилу Пашка-садовник растолкал его» [11, с. 182].

Выводы

Очевидно, что прагматика жанра новеллы вступает в сложные отношения с коммуникативным пространством культуры и социокультурным контекстом бытования художественного текста. Литературный жанр отличается от речевого не только сферой своего функционирования (письменно закрепленный текст – в первом случае и дискурсивная реализация – во втором), но и тем, что литературная коммуникация предполагает намеренный отказ устойчивых коммуникативных правил и конвенций: основным становятся эффект «обманутого ожидания» ли эффект неожиданности, которые многообразно влияют на декодирование авторского замысла читателем. Эти эффекты функционируют на уровне коммуникации автора и читателя: в случае трансформаций сюжетного действия прагматические параметры новеллы включают различные грамматические и синтаксические средства (лексические повторы, антитетическое построение микро- и макроконтэкстов, градационные отношения и пр.). Если же автор новеллы опирается на фоновые знания читателя, то происходит отказ от общеизвестного в пользу «альтернативной истории» – художественного вымысла, направленного на трансформацию восприятия мира читателем.

Список источников

1. *Адоньева С.Б.* Прагматика фольклора. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета; ЗАО ТИД «Амфора», 2004. 312 с.
2. *Аристов С.А., Сусов И.П.* Коммуникативно-когнитивная лингвистика и разговорный дискурс // *Лингвистический вестник*. Ижевск: Министерство народного образования Удмуртской Республики; УМО «Santa Lingua», 1999. С. 3–15.
3. *Арсеньев П.* К конструкции прагматической поэтики. – URL: К конструкции прагматической поэтики – Журнальный зал (gorky.media)
4. *Бабенко Л.Г., Казарин Ю.В.* Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика: Учебник; Практикум. М.: Флинта: Наука, 2005. 496 с.
5. *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 423 с.
6. *Богданов В.В.* Лингвистическая прагматика и её прикладные аспекты // *Прикладное языкознание*. СПб., 1996. С. 268–275.
7. *Гальперин И.Р.* Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981. 140 с.
8. *Домашнев А.И., Шишкина И.П., Гончарова Е.А.* Интерпретация художественного текста. М.: Просвещение, 1989. 208 с.
9. *Лихачев Д.С.* Поэтика древнерусской литературы. 3-е изд. М.: Наука, 1979. 360 с.

10. Мечковская Н.Б. Семиотика: Язык. Природа. Культура: Курс лекций: учебное пособие. М.: Академия, 2007. 432 с.
11. Новелла Серебряного века: Сборник / Сост и коммент. Т. Берегулевой-Дмитриевой. М.: ТЕРРА, 1997. 576 с.
12. Appleyard J.A. Becoming a reader. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. 242 p.
13. Candlin C.N. Preface // Language and Communication. London; New York: Longman, 1983. 276 p.
14. Frederiksen C.H. Structure in Discourse Production and Comprehension // Cognitive Processes in Comprehension / Eds. M.A. Just, P.A. Carpenter. Hillsdale, New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates, Publishers, 1977. P. 313–322.

References

1. Adonyeva S. B. Pragmatics of Folklore. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg University, 2004. 312 p.
2. Aristov S.A., Susov I.P. Communicative-cognitive linguistics and conversational discourse // Linguistic Bulletin. Izhevsk: Ministry of Public Education. Udmurtsk. Republic; Educational and methodical association "Santa Lingua", 1999. Pp. 3-15.
3. Arsenyev P. On the construction of pragmatic poetics. URL: to the construction of pragmatic poetics – Magazine Hall (gorky.media)
4. Babenko L.G. Linguistic analysis of a literary text. Theory and practice: Textbook; Practicum / L.G. Babenko, Yu.V. Kazarin. M., 2005. 496 p.
5. Bakhtin M.M. Aesthetics of verbal creativity. M., 1979. 423 p.
6. Bogdanov V.V. Linguistic pragmatics and its applied aspects // Applied linguistics. St. Petersburg, 1996. pp. 268-275.
7. Galperin I.R. Text as an object of linguistic research. Moscow, 1981. 140 p.
8. Domashnev A.I. Interpretation of a literary text / A. I. Domashnev, I. P. Shishkina, E. A. Goncharova. M., 1989.
9. Likhachev D.S. Poetics of ancient Russian literature. 3rd ed. Moscow, 1979. 360 p.
10. Mechkovskaya N.B. Semiotics: Language. Nature. Culture: Course of lectures. M.: Academy, 2007. 432 p.
11. Novella of the Silver Age: Collection / Comp. and comment. T. Bereguleva-Dmitrieva. M.: TERRA, 1997. 576 p.
12. Appleyard J.A. Becoming a reader. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. 242 p.
13. Candlin C.N. Preface // Language and Communication. London; New York: Longman, 1983. 276 p.
14. Frederiksen C.H. Structure in Discourse Production and Comprehension // Cognitive Processes in Comprehension / Eds. M.A. Just, P.A. Carpenter. Hillsdale, New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates, Publishers, 1977. P. 313-322.

Статья поступила в редакцию 26.07.2022; одобрена после рецензирования 07.08.2022; принята к публикации 25.08.2022.

The article was submitted 26.07.2022; approved after reviewing 07.08.2022; accepted for publication 25.08.2022.